

ФЕТ И ВЕРЕТЕНО

Эпизод с «веретеном» живо описан Фетом в письмах «Из деревни» (1863). В главе «Еще молотилка. Есть ли какой контроль над бесцеремонностью в отношении к чужой собственности?»¹ Фет рассказывает о тяжелых затруднениях, преследовавших владельцев поместий пореформенных лет в делах доставки, наладки и ремонта сельскохозяйственной техники.

Поломка молотилки, случившаяся в самый разгар страды, была крайне неприятной, но, увы, типичной историей для хозяйственников того времени. Поломка грозила обернуться крупными потерями зерна. Фет описывает знакомые многим мытарства с «мастерами», приступавшими к сборке машины и ее ремонту. Длительные, но безрезультатные усилия непрофессиональных механиков привели лишь к тому, что веретено молотилки и подшипники истерли друг друга.

Подготовка технического персонала такого рода в России еще не была налажена, обученные механики шли буквально на счет, и потому владельцы сельскохозяйственных машин принуждены были, как правило, иметь дело либо с самоучками, либо с самозванцами. Фет столкнулся с обоими вариантами. Один из «мастеров», читаем, «в прошлом году забрал вещи и деньги да уехал в Елец», другой — «закапризничал и запил», и только третий, с «адским озлоблением» разобравший молотилку («все разобрано, повыдергано»), вынул веретено и определил, что из-за некачественной сборки оно и подшипники истерлись, неправильно подогнанные друг к другу. Этот механик был безусловным самоучкой: «Он мужик, но еще отец его был машинистом, делал тележку-самокат».²

¹ Фет. ССUII. Т. 4. С. 221–229.

² Там же. С. 224.

Молотыба встала, и Фету пришлось срочно ехать в Орел, чтобы обварить веретено на стертом месте и обточить его затем на заводском станке. Поездку надо было совершать в самое рабочее время: «Проездом по деревням только и слышна была лихорадочная стукотня цепов. Как не молотить до упаду в такую погоду!». ³ Совершенно понятно волнение и нетерпение Фета, лично поехавшего на орловский завод. Владельцу ржи в Степановке было ясно, что без его присутствия дело не сдвинется с места, либо все пойдет наперекосы.

Невозможно не отметить замечательные характеристики, которыми поэт награждает своих визави. Вот мужик «с физиономией коростеля», ⁴ а вот и мастер, разобравший молотилку: «Привезли мужика, которому и живописец, и скульптор дорого бы дали за позволение взять его в модель сатира». ⁵

В Орле Фет направился на литейный завод Перелыгиных, у ворот которого оказался во вторник вечером. Главного механика дома не оказалось, Фет прождал его два часа и на усталых лошадях отправился в почтовую гостиницу, оставив веретено у помощника механика.

«Чугуноплавильный завод братьев Перелыгиных» был самым значительным литейным заведением Орла. В 1854 году братья Перелыгины — Алексей и Петр Николаевичи открыли мастерскую, которая стала производить чугунное литье, молотилки, конные приводы, мялки, ограды, церковные кресты, весы, гири и другие товары. Завод был построен вблизи обширного Сергиевского кладбища.

Предприятие оказалось неподалеку от будущего вокзала. Впоследствии отсюда было удобней возить на «железку» тяжелые изделия. С 1901 года завод принадлежал М. М. Хрущеву. В советское время, при расширении площади для новых цехов, Сергиевское кладбище было полностью уничтожено. Сначала снесли ту часть, где был построен механосборочный цех, затем и все кладбище в целом. Данные о том, когда именно была разрушена церковь во имя Сергия Радонежского, в которой служил дед писателя М. А. Булгакова о. Иоанн Булгаков, а также когда были уничтожены дом священников и богадельня, расходятся. Известно, однако, что в конце 1950-х годов среди цехов кое-где еще можно было увидеть чудом сохранившиеся могилы, но потом и они исчезли. До середины 1929 года завод носил имя председателя Совнаркома А. И. Рыкова, затем имел номер — 9, потом получил название «Текмаш» — завод текстильного машиностроения. От довоенных времен здесь остался бывший клуб, архитектурный памятник конструктивизма (ул. Московская, 155).

³ *Фет. ССUII*. Т. 4. С. 223.

⁴ Там же. С. 132.

⁵ Там же. С. 224.

Почтово-телеграфная контора на ул. Садовой в Орле, во дворе которой находилась почтовая гостиница, где останавливался Фет.
Фотография начала XX в.

Во второй половине XIX века это был загород. Шоссейная дорога на Москву в этом месте еще не называлась улицей Московской. С вокзала до «города» пассажиров довозили извозчики. Фет приехал «на своих» на нынешнюю улицу Московскую и, разочарованный потерей летнего дня, отбыл, как упоминалось выше, в почтовую гостиницу, оставив веретено на заводе.

Почтовый двор, где в 1829 году в Орле останавливался А. С. Пушкин, находился на современной площади Ленина, в районе здания областной администрации. Площади в то время здесь не имелось. Почтовая контора включалась в ряд зданий присутственных мест, но находилась на своей старой усадьбе. В ее комплекс входили довольно обширный садик, небольшая кирпичная гостиница, конюшни и службы. Железная дорога придет в Орел лишь в 1868 году, и лошади были важной составной частью почтовой жизни. Место это было тихое и спокойное, недорогое. Улица, на которую выходила Почтовая контора, называлась Садовой.

Рано утром Фет послал узнать о судьбе веретена. Оказалось, взяться за него смогут лишь в следующий понедельник, то есть через пять

летних дней, когда важен каждый час. Что же делают на заводе такого сверхсрочного? Отливают блоки для домашнего театра. И будут их отливать, пока полностью не отольют.

Заводских можно было понять. Они взялись сделать работу в срок, о чем и сказали Фету. Владелец театра, судя по всему, был из видных дворян, ему дали слово: спешили, возможно, к чьим-то именинам.

Фет берет извозчика и мчится на завод. Диалог между ним и главным механиком показывает, что оба хорошо знают друг друга. Но механик не может остановить производство заказа.

«Для знакомства, — просит Фет. — Войдите в мое положение. Рабочие гуляют. Вам это трехчасовая работа, а я должен ехать домой с пустыми руками и в понедельник гнать нарочного семьдесят верст. Только в среду дай Бог уладить машину. Ведь это две недели лучшего времени пропало!».⁶

Безрезультатно.

Фет возвращается в гостиницу, где ходит из угла в угол, раздумывая, что же предпринять.

В почтовой гостинице нередко останавливались те, кто приезжал в губернский центр по делам — для сделок купли-продажи, подачи прошений в присутственные места, для решения судебных неувязок. И потому тут всегда находились личности, готовые сориентировать приезжих в городе, что-то посоветовать, подсказать, где находятся интересные их места и люди, выполнить какие-то поручения. Вот такого «фактора», как его называет гостиничный служитель, принесший в номер кофе, Фет и призывает к себе. Фактор, рябой мещанин, обещает привезти совершенно уникального кузнеца-слесаря, «каких в России на редкость». От безысходности Фет соглашается; он просит только заехать на завод за веретеном.

Поэт ярко описывает внешность представшего пред ним кузнеца: «Кто изобразит все внушительное величие синей сибирки, красного носа и чувства собственного достоинства?».⁷ Слесарь представляет свои достижения: сам он — подлинный мастер, покойному царю Александру Павловичу чинил экипажи, имеет «медаль на анненской ленте»; при его заведении есть собственный станок; «вещь» будет готова в четыре часа пополудни. Фет отдает мастеру веретено, фактору — на водку. Он не очень верит в аттестации, в которых присутствует имя императора, но ему некуда деваться.

Почти сразу выясняется, что слесарь-кузнец вовсе не имеет токарного станка и вообще — личность довольно темная.

⁶ Фет. ССчП. Т. 4. С. 224—225.

⁷ Там же. С. 225.

«Да вы плюньте ему в рожу» — эмоционально отреагировал хозяин «заведения садовых и земледельческих орудий», куда поэт заглянул тем же утром. — «Какой у него токарный станок? У нас в целом городе один только и есть на литейном заводе».⁸

Пока неизвестно, о каком заведении *садовых и земледельческих орудий* идет речь. Это не могло быть предприятие Э. Кале, чье механическое заведение дало потом начало машиностроительному заводу имени Медведева. Фет пишет об истории 1862 года, а предприятие Кале было основано в 1868 году, хотя не исключено, что какое-то, пусть небольшое производство тогда уже существовало. Но Фет пишет, что из этого места он *поехал* к слесарю. Кузницы в Орле в то время находились ровно через дорогу от заведения Кале, поэтому поэт имел в виду какое-то другое предприятие. Возможно, это был завод Л. П. Мещерина.

Орловские кузницы в начале 1860-х располагались на краю города, у Московских ворот.⁹ Кузнечный двор выходил к ручью Ленивец.¹⁰ За мостом через поток находилась Покровская слобода, владение государственных крестьян.

Фет описывает длинный грязный двор, жилой дом, сарай с хламом, стоящую в глубине невзрачную кузницу и нигде не находит «живой души». Сопровождаемый лаем цепного пса, он входит в кузницу и видит свое веретено, «сунутое в тлеющие угольки горна».¹¹ Вызванный мастер нетрезв, но кое-как начинает работу. Три часа Фет простоял над «мало-помалу отрезвляющимся вулканом». За это время двор наполнился посетителями, самыми почетными из которых оказались солдаты пожарной команды, рассказывавшие о пожаре за Полесской площадью.

Кое-как починенное веретено («Ведь ты плохо проварил, любезный!») нужно было обточить:

«— Где же точить-то?

— Да вот. У нас через улицу станок. <...> Да мы у того же П—на (Перелыгина. — Е. А.) в полчаса обточим. Он не смеет нам отказать, мы ему сами не отказываем».

«Тут я увидел, что обманут самым мошенническим образом. Но делать было нечего», — сокрушается Фет.¹²

Далее он пишет о чудовищном непрофессионализме кузнеца, который чудом не убил присутствовавших, положив точильный крюк на

⁸ Там же.

⁹ Московские ворота были снесены в 1929 г.

¹⁰ Ныне ручей Ленивец, на карте XVIII в. — исток Непреца, заключен в трубу.

¹¹ Фет. ССчП. Т. 4. С. 225.

¹² Там же. С. 226—227.

железо, в то время как лошадь уже тронула привод, о скепсисе и нежелании вмешиваться в ситуацию заводского механика, лишь по слезной просьбе Фета разрешившего воспользоваться токарным станком, и о том, как поэту пришлось ехать к Перельгину: «...я бросил самозванца на заводе и поехал к главному хозяину заведения с просьбой уладить дело. Сейчас же поскакал нарочный с приказанием сдать дело своему рабочему, а я поехал в гостиницу обедать».¹³

Мы не знаем в точности, с кем именно беседовал Фет о своем веретене — с Алексеем или Петром Перельгиными. Скорее всего, это был Алексей Николаевич. Именно он был главным хозяином литейного завода. И мы можем предположить, в каком орловском доме побывал Фет.

Возможно, это известный всему Орлу дом, который находится по адресу ул. Московская, 29. Он был заложен 9 июня 1856 года почетным гражданином Алексеем Николаевичем Перельгиным. До этого место принадлежало Александре Ивановне Кательниковой.¹⁴ Дом А. Н. Перельгина, стоявший на видном месте на улице Московской, несомненно, видели И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой в свои приезды в Орел, а Фет, может быть, даже побывал в нем. Есть и другие адреса Перельгина, зафиксированные в 1877 году — возле Гостиного ряда: дома наследников умершего Петра Николаевича и дом Алексея Николаевича. Однако в 1860-х годах Алексей Николаевич проживал в доме на Московской.

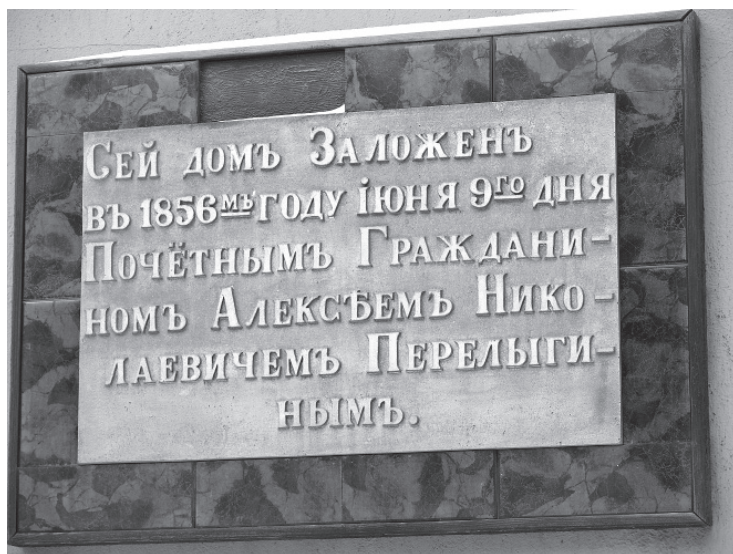
История здания была подробно исследована орловским архитектором К. А. Седойкиной. Двухэтажный каменный дом со службами был построен по проекту архитектора Н. Т. Ефимова при губернском архитекторе И. П. Лутохине и городовом архитекторе академике архитектуры И. Ф. Тибо-Бриниоле.

Дом имел внутренний двор. По красной линии улицы шли фасады одноэтажных трехпролетных лавок. Между лавками и домом находились въездные парадные ворота. Сам дом был смещен вглубь, чтобы оставить место для палисадника. Чугунное литье, украшавшее дом, было, судя по всему, сделано на заводе хозяина.

В 1877 году по проекту Тибо-Бриниоля была сделана пристройка к флигелю с использованием в деталях ажурного чугунного литья, произведенного на том же заводе. «В начале 1880-х гг. дом принадлежал Общественному банку, после разорения которого в 1887 г. дом был куплен на торгах инженером-капитаном В. С. Шиловским, в скором будущем — инженером-полковником, начальником Службы движения

¹³ Фет. ССудП. Т. 4. С. 227.

¹⁴ ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 618. Л. 392.

Дом Перелыгиных на ул. Московской в Орле.
Современные фотографии

станции Орел Орловско-Витебской железной дороги. Постепенно он благоустроил всю усадьбу, уплотнил застройку, — пишет Седойкина. — В 1896 г. дом перешел в собственность Городской управы, и в нем разместился Штаб 51-го драгунского (позднее — 17-го гусарского) Черниговского полка. В доме хранилось полковое знамя, военные реликвии. Командиром полка до 1901 г. был его основатель — полковник

А. А. Цуриков, позднее — пять его преемников. Шефство над полком держали великая княгиня Елизавета Федоровна и великий князь Михаил Александрович. С началом Первой мировой войны в июле 1914 г. 17 гусарский Черниговский полк ушел из Орла. С 1915 г. в доме размещался госпиталь, после Гражданской войны — жилье для рабочих. После Великой Отечественной войны дом был восстановлен; в нем поместился Орловский пединститут и его мастерские (в подвале). Теперь здесь банк.¹⁵ До банка, то есть до начала 90-х годов XX века, здание было жилым. Автору статьи приходилось бывать в нем в это время. Огромные потолки, широкие лестницы и переходы напоминали о прошлых временах.

Перед домом ныне находится бюст Михаила Романова. К сожалению, в 2000-х годах к дому была сделана пристройка, позволившая затем открыть в здании магазин «Пятерочка».

История с веретеном закончилась печально: оно лопнуло по сваренному самозванцем шву. Описывая ее, Фет не открывал перед своими читателями, ждущими его записок из деревни, ничего нового. Наоборот. Подобные «истории» через раз случались с каждым хозяином сельскохозяйственной техники тех лет. Фет, безусловно, хотел, чтобы те, кто читал его статьи, те, от кого зависело принятие решений, обратили внимание на набор и подготовку механиков сельскохозяйственных машин. Это было требование нового, пореформенного времени. Но выполнено оно было не так быстро, как хотелось бы людям, хозяйничавшим по-новому.

¹⁵ *Седойкина К. А. И. Ф. Тибо-Бриниоль. Расцвет архитектуры Орла XIX века. Орел, 2016. С. 187.*